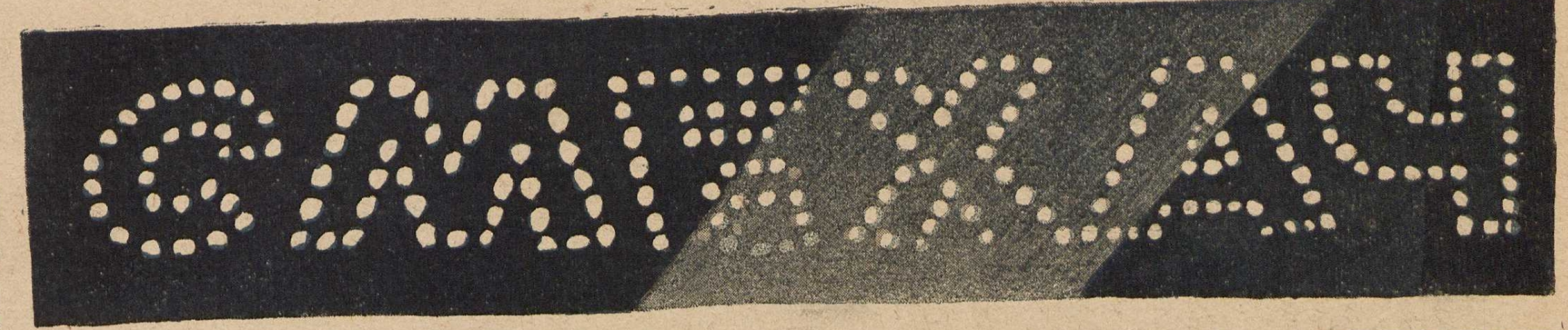
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР

НОЯБРЬ 1927 г. № 43 Цена 15 коп.

МАЯК УГНЕТЕННЫХ НАРОДНОСТЕЙ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Рис. М. Черемных

МОСКВА. 7 ноября (От собственного кор. газеты „Таймс“). Вся Москва в огне! Рабочие против Совета!“

С ОДНОЙ СТОРОНЫ—МАНИФЕСТАНТЫ, С ДРУГОЙ—МАНИФЕСТ!

Рис. А. Радакова

— **Большевики сократили рабочий день еще на один час!.. Час от часу не легче!..**

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

Годовщина революции приходится на осень.

Коварное время года!

С осенью в старой России всегда было неблагополучно. Зима, лето — еще туда-сюда. Весна — отличное время. А осень—тоска.

Испокон веков страна наша осенью закисала. Во всех смыслах, всесторонне.

Закисала земля—по дорогам ни пройти, ни проехать.

Закисали звери, предавались унынию, меланхолии и неверию в светлые перспективы, благодаря каковому пассивному ихнему состоянию очень удавалась осенняя охота.

Закисали люди, бродили, свесив голову на бок, и смотрели мутным взором куда-то вниз, наискось, давая этим понять и себе, и другим, что жить-то, собственно, незачем, а уж суетиться или добиваться чего-нибудь—совсем глупо.

Осенью, вместе с проселочными дорогами, расходилась, распускалась во всю непроходимая хлипкая русская нудь. Разливалась морем, затопляла всю жизнь.

Три четверти русской литературы выросло на осенней русской душевной сырости. Что стали бы делать Достоевский и Чехов, если бы не было русской осени? Пушкин и Толстой—те обошлись бы...

Осенью образованные и богатые русские люди начинали нестройным хором на разные голоса ныть о тщете мирской. Какого им было рожна при наличии всяческих благ—догадаться было трудно. Это и составляло секрет так называемой загадочной русской натуры.

Люди простые, бедные, дикие, обрабатывавшие для богатых землю, осенью даже и не ныли. Их тяжело клонило ко сну, и, накрывшись тулупом, они бездумно, по животному, прижимались к теплому чреву глиняной печи — до самой весны.

И так тянулось столетиями, пока не подросли новые люди, для которых осень была ничем не горше других времен года. Ничем и не лучше. Все двенадцать месяцев года были для этих людей одинаковым бессрочным пленом в четырех фабричных стенах, под твердым каблуком хозяев.

Рабочие не скулили беспомощно ни осенью, ни летом, ни весной. С тех пор, как познали себя классом,—они сразу научились находить другой выход своим чувствам.

В марте некоторого года был положен конец старой царской России. Но рожденная весной, революция была хилой. Ее ждала осень,—коварная российская осень, когда раскисают дороги и люди, и звери, когда интеллигенты ноют и скулят о смысле жизни, когда крестьянин снимает портянки и заваливается на треть года на печь.

И тогда, впервые за всю тысячу лет нашей страны, новые люди с фабрик и заводов навсегда сломали российскую осень. Они скрутили ей осенью шею, как тем цыплятам, которых по осени считают, они повергли ее ниц и прошли по ней, через осеннюю слякоть, через сырую изморозь, бодро протопали сапогами под огнем вперед, чтобы никогда не возвращаться назад.

И с тех пор, вот уже десять лет,—не видно старой осени. Она умерла, усохла и развеялась. О ней плохо помнят, почти совсем забыли, и только сейчас мы спохватились известить о смерти.

Кто может теперь скулить осенью — после того, как в ноябре стреляли пушки с „Авроры", и рабочие взяли Зимний дворец, и крестьяне получили землю?

Кто может теперь хныкать осенью—если первые же десять лет принесли в октябре семичасовый рабочий день и твердую помощь бедному и среднему крестьянству?

Кто будет описывать „осенних" и „сумеречных" русских людей, если именно российский пролетариат осветил ноябрьские туманы молниями коммунистической революции, подав всему миру трудящихся пример высочайшего проявления массовой металлически твердой воли?

Русская хлипкая старая осень сгинула, она похоронена на веки. Уже десять лет живет новое, бодрейшее время года, полное гордой ясности, торжествующего смеха победителей, спокойной уверенности во взгляде вперед...

Михаил Кольцов

1917.

— *Я даже своих вещей не уложил. Через две недели.*

С ДЕСЯТИЛЕТИЕМ!

Исполинскими шагами, проходя безмерные пространства, через гниль, болота и туманы подходит наша великая Революция к цели своей заветной и не остановится, пока золотым пламенем не разольется над всем миром и не согреет все человечество вечное солнце социализма.

Десять лет борьбы! Десять лет невиданных чудес! Десять лет неизмеримой славы! Десять великих и отважных лет непреоборимой силы и подвига трудящихся!

Вперед!

Вперед, в гору и опять в гору и еще шаг, и еще один шаг и может быть еще десять-двенадцать новых и трудных шагов в прекрасную жизнь без угнетения, без несправедливости, без нищеты.

Кто мог без колебаний в первую нашу мучительно-прекрасную осень предсказать сегодняшние победные песни и торжествующий, радостный, праздничный смех?

Прочь с дороги, писклячьи души! Сегодня все в песнях и в смехе!

Сегодня — праздник победы над гнетом, над испугом, над малодушием, над неверием!! — Кто кислится, тот не с нами, тот не наш!!

Сегодня безудержно громко и внушительно смеемся мы на зло, наперекор всем ненавидящим и проклинающим нас!

Людям труда, — какая неисчислимая богатая награда за необозримые испытания и за пытки сегодняшняя ликующая годовщина!!

Смех! Сегодня вспомним, какими зловещими снарядами разрывался наш смех над полчищами смятенных врагов, сегодня вспомним, как мы швыряли хохот в лицо смерти, сегодня вспомним, как вся страна дрожала в буйном задоре от смеха, когда повелители черных зарубежных сил пытались смутить нас угрозами и размахиванием костлявыми черными кулаками.

Смейся сегодня, смех Революции!

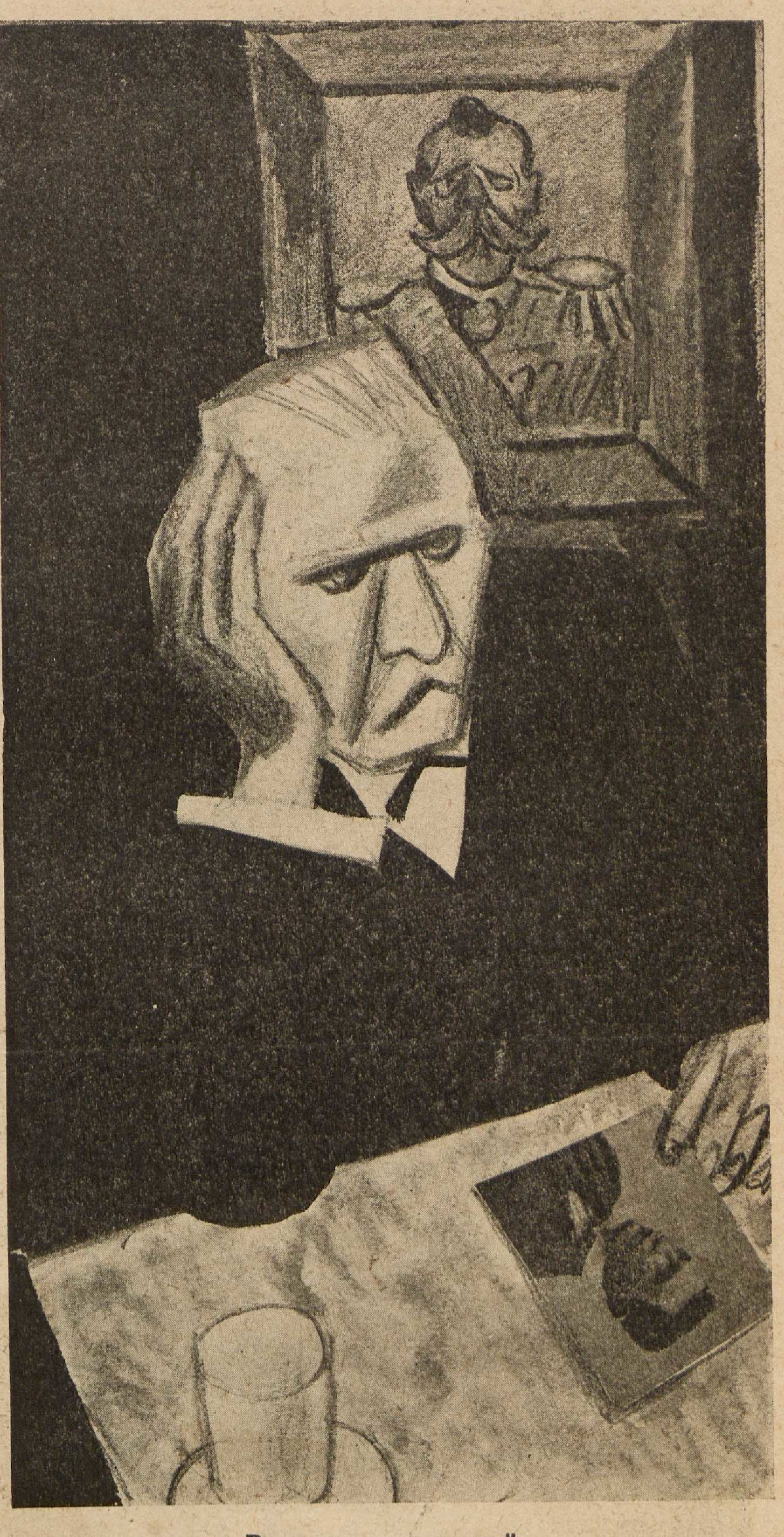
Гремите хохотом фабричные трубы! Звонко и весело хохочите на своем празднике молоты, серпы, косилки, молотилки, веялки, плуги, моторы и тракторы.

Железным непреодолимым смехом звените сегодня наши винтовки, пилы, зубья и ножи!!

Над всей вселенной полной мерой да пронесется сегодня знойным вихрем огненный, победный, уничтожающий врага, зовущий и омолаживающий мир смех Революции!..

„ВСЕ В ПРОШЛОМ...“

Рис. Л. Бродаты

Вечер воспоминаний.

ЛИСТОК КАЛЕНДАРЯ

Я сорвал листок календаря.
Разом сердце дрогнуло от боя.
Красной цифрой предо мной
Седьмое
Ноября!..

Вдруг — глаза, глаза мои в тумане,
А потом — еще ясней горят...
Стройные ряды воспоминаний
Выстроились,
Словно на парад...

Вот проходят первые колонны:
Митинг провели большевики;
Утонули улицы в знаменах.
Одиноки в мастерских станки...
...„Сами набьем мы патро-о-ны,
К ружьям привинтим штыки...“

Дребезжали стекла в каждой раме,
Содрогался каждый дом и двор...
То
Красногвардейцы с юнкерами
Вековой решали спор...

Спор решен...
Чтоб не воскресли боле
Никогда врагов мечты,
Двигали через леса и поле
Мы — запас неистощимой воли
На неисчислимые фронты...

Память, стой!
У нас еще не мало
И теперь врагов, фронтов, боев...
Те бои — не против генералов,
В тех боях не льется кровь...

Но они кипят все той же брагой,
Но и в них все тот же пыл войны...
Мы полны октябрьскою отвагой
На постройке
Ленинской страны!..

И сегодня — с новою зарею
Песнями зальются города
С той же звонкой силой, как тогда:
...„Мы водрузим над землею
Красное знамя труда...“

Я сорвал листок календаря.
Сердце бьется прежним, гулким боем.
Предо мною — знаменем
Седьмое
Ноября...

Ал. Жаров

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рис. А. Радакова

СТАРАЯ РАБОТНИЦА: — Мы вместе с вами увидели свет десять лет тому назад!

Смотри 17-ю страницу.

В ОТВЕТ НА ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ...,

Пишите, Гурий Федулыч, разборчиво и сугубое внимание обратите на знаки препинания.

Пишите: „В ответ на ваше отношение за номе“...

(ШОПОТОМ) Тише, Гурий Федулыч. Тише... молчите, Гурий Федулыч. И зевать перестаньте. Зевок тоже может быть услышан и отмечен. В другой раз у меня дома поговорим по душам. А сюда всякий раз может кто-нибудь зайти.

(ГРОМКО) „За номером 45.375.809, от 9-го числа сего месяца, мы просили вас уведомить...“ (ШОПОТОМ). Вы молчите, Гурий Федулыч, и продолжайте писать, а я вам тихонько расскажу кое-что личное...

Чудаки! Забегает сегодня утром сюда Иваськин, товарищ Иваськин из месткома. Приближается, говорит, юбилей революции. У кого имеются, говорит, какие-либо воспоминания, пусть напишет и даст в местком.

Ничего у меня нет, говорю ему. Никаких воспоминаний. Память, говорю, у меня за последние годы ослабла. Никак не могу вспомнить номера нашего отношения в отдел благоустройства по вопросу об очистке тротуаров. А о событиях, которые происходили десять лет тому назад, и подавно вспомнить не могу. И вообще, говорю, к политике никогда касательства не имел, а юбилей приветствую. Действительно, говорю, праздник большой.

(ГРОМКО) „Мы просили вас уведомить о количестве слонов в Орловской губернии“. Слонов подчеркните. И проверьте, пожалуйста, Гурий Федулыч, действительно ли написано вами „слонов“. А то по рассеянности можете вставить какое-либо другое животное. Помните, как однажды вместо „улучшения работы тракторов“ вы написали „улучшения работы трактиров“? На все внимание требуется.

(ШОПОТОМ). Тише, Гурий Федулыч. Молчите. И слушайте. А ведь этого товарища Иваськина я обманул. Да, обманул. Тсс... Кто-то идет...

(ГРОМКО) На все требуется внимание, ибо за каждую бумагу мы отве...

(ШОПОТОМ) Никого нет. Так вот, Гурий Федулыч, обманул я Иваськина... Есть у меня кое-какие воспоминания. И не валяются они лохмотьями на задворках памяти моей. А лежат они бережно сложенные, как шелк и бархат дорогих одеяний, на почетном месте, в тайниках души, за семью печатями. Разворошил меня этот Иваськин, чорт бы его побрал... Слушайте... В далеком отсюда уезде, где тихая речка, извиваясь змеей, пробивает себе дорогу среди тучного чернозема и сочных лугов, был я предводителем дворянства. Вы чувствуете, Гурий Федулыч, какой Крейцеровой сонатой звучат эти слова — „предводитель дворянства“. Тут рояль нужна или скрипка Страдивариуса. На гармошке об этом не расскажешь. Хе-хе...

(ГРОМКО) „Слонов в Орловскойг убернии. Точка. Требуется также указать половой состав вышеупомянутых слонов“.

(ШОПОТОМ) Был я в почете и славе. Весь уезд трепетал передо мною. Исправник делал то, что я ему приказывал. С губернатором, царство ему небесное, я был на ты. Грозный я был...

(ГРОМКО) „А также обозначьте по метрической системе общую длину слоновых хоботов по всей губернии“.

(ШОПОТОМ) Имение мое называлось Березовка. Тысяча пятьсот десятин пахотной земли и лугов! Пятьсот с лишним десятин березняка. Огромный барский дом. Парк. Пруды. Белые лебеди. Оранжереи... Березовка... Березовка... Какое красивое имя...

(ГРОМКО) Что же вы задумались, Гурий Федулыч? Дома будете думать и мечтать. Здесь работать надо. Пишите! „Просим также поставить нас в известность о среднем весе слонов по губернии“. Подчеркните „средний вес“. Подчеркните, Гурий Федулыч. Подчеркните, дорогой...

(ШОПОТОМ) Подчеркните, дорогой. Подчеркните. Нет, не то... Выедешь бывало летней порой в поле. Куда глаз ни глянет—золото. Золото полей. Золото моих полей. Мое золото. Сотни мужиков и баб, согнувшись, обливаясь потом, работают. Красота! Поэзия! Какая ширь! Какие дали! Копна... Снопы... И жужжание кос и серпов. И... И...

(ГРОМКО) „И присовокупите также данные о рождаемости слонов по каждой волости в отдельности“. (ШОПОТОМ) Тише, Гурий Федулыч. Молчите... А вот началась кутерьма. Царя свергли. Временное правительство. Керенский. Чернов. Речи. Аграрная политика. Я еще держался. Еще крепко сидел на земле. Вижу, с этим правительством можно поладить. Да здравствует, так пускай здравствует. Я тоже за свободу. Но за дисциплинированную свободу, за законную. Ведь прежде всего—цивилизация, культура, священность частной собственности... Ведь одной земли 1.500 десятин! И какая земля!

(ГРОМКО) „А также имеются ли верблюды и каковы их взаимоотношения со слонами“.

(ШОПОТОМ) Со слонами, Гурий Федулыч. Со сл нами... Нет, не то... И вдруг пожар. Слоны горят. Верблюды горят... Не то я говорю, Гурий Федулыч. Россия горит. Закон горит. Мужики поднялись. С винтовками, с вилами и топорами пошли на нас, на меня, на землю, на золото полей, на бирюзу лугов. Шел дождь... Все помню. Ничего не забыл. Дождь. Раскаты грома. Гроза. Большая гроза. Октябрь.

(ГРОМКО) „Требуется еще узнать, имеются ли также в Орловской губернии лошади“. Пишите. Пишите...

(ШОПОТОМ) „Октябрь... Гурий Федулыч... Товарищ Иваськин просит воспоминаний...“.

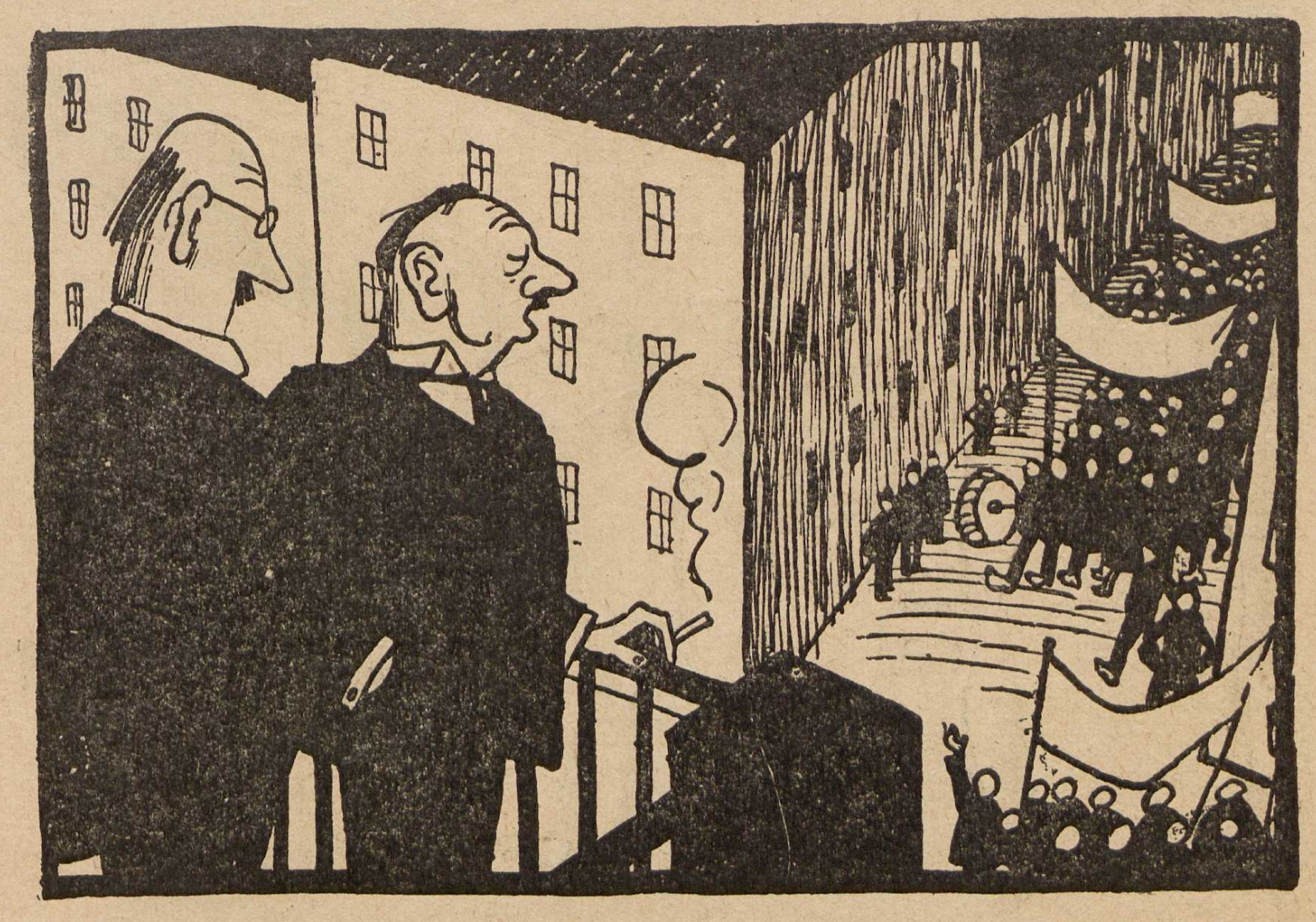
(ГРОМКО) Все забрали! Ничего не оставили! В отставку! Без пенсии и без мундира! Все разгра... Что я говорю? Тсс... Молчите!

(ГРОМКО) „Просим ускорить ответ на наше отношение, добавив также относительно волков по губернии“.

Г. Рыклин

НА ЧУЖОМ ПИРУ

Рис. Б. Малаховского

— **Сегодня на моей улице праздник.**
— **Каким образом?**
— **На этой улице почти все дома были моими.**

БАБУШКА И ВНУЧЕК

— **А мы, бабушка, к годовщине Октября сделаем закладку нового пионерского клуба.**
— **Так. Значит, до копеечки прожились? Не какие-нибудь портки, а целые клубы стали закладывать?!.**

*

В ПЫЛУ СПОРА

(За границей)

— **А у нас есть рабочие, которые не сочувствуют коммунизму.**
— **А сколько таких? Раз, два и—обчелся!**
— **Ну, зачем вы преувеличиваете?!**

— Голод... Интервенция... Ясно, что через две недели...

Рис. И. Малютина

— Я вижу, что за десять лет все заводы восстановлены...
— Вообще, а против старых хозяев — в частности!

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

(Рассказ очевидца)

— „Земля дрожала в лихорадке...
„Свершалась вещая судьба...
„Разя людей, коней, палатки,
„Гремела адская пальба...

„Сшибались в кучу батальоны,
„Свистала в воздухе шрапнель,
„И в битве стойкие миллионы
„Валились молча на панель...

„В боях от Мойки до Фонтанки,
„В пороховом дыму, в огне,
„Керенский вел в аттаку танки,
„На вороном несясь коне...

„Под женский визг, под рев и крики,
„Всходила алая заря.
„Как позабыть мне день великий—
„Рожденье в муках Октября?

„Шестьсот судов вошло в столицу
„И Зимний в щепки разнесли...
„Перевернули мы страницу
„И знамя гордо понесли!.."

. . . .

— И врете-ж, батенька, изрядно!
Где были вы — я знать не прочь?
— Я? Я дежурил на парадном
В ту историческую ночь!

Александр Флит

ВСЯКОЕ ТАКОЕ...

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

— Иван Семенович! Да вы никак помолодели?

— Еще бы! Мне, знаете ли, ЦИК по случаю октябрьской амнистии три года скинул.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

— Офицера, значит, командуют: „Вперед!" Ну, мы бросились бегом...

— А большевики?..

— Не знаем. Не оглядывались.

КАК ТАМ „ГОТОВЯТСЯ К ОКТЯБРЮ"

— По случаю октябрьского праздника начальник полиции переменил обыкновенный наряд...

— На какой же?

— На усиленный наряд полиции с пулеметами на случай разгона митингов.

БЛОК-НОТ

— Десять лет тому назад говорил я, что большевики больше двух недель не выдержат, и сейчас это же повторяю и через 10 лет тоже скажу!

У меня — свой взгляд! Пра-а-вильный.

БЕЗ РИТУАЛА

I.

Домашняя портниха Феничка, вооруженная мелком и ножницами, работала, не покладая рук. Мадам Цыпкина, как ястреб, парила над ее согбенной фигурой.

— Удивляюсь я вам, Феничка, столько лет вы портнихой, а не знаете... Ну, скажите, пожалуйста — неужели для революции никаких особых костюмов нет!.. Ну, на пасху, скажем, все белые платья надевают, на троицу в цветах, на масленицу наряжаются... Неужели ж для революции ничего нет...

— Да нет же, мадам Цыпкина! — виновато оправдывалась Феничка.— У кого что есть, тот в том и идет... Бывает, которые, по желанию, красный бантик приколют!..

— Которые, которые... Мы вам не которые!.. Мой муж при тресте... У нас ответственные работники бывают... Ну, скажите на милость, ну, как теперь комнату убрать, чтобы видно было, что для революции...

II.

Но самое трудное было в кухне. Пока в духовке упревал окорок, а молчаливая и проворная Маша охорашивала на столе поросенка, мадам Цыпкина терзалась миллионом сомнений:

— Как вы думаете, Маша, ничего, если на революцию — окорок?

— А что же, известно, ничего!..

— Вам все ничего, да сойдет... А вдруг скажут, что революц и свинью подложили...

— Можно и индейку... А к чаю, кроме печенья, можно бабку запечь...

— Бабку... Да вы с ума сошли!.. Скажут, приготовили, как на пасху... Просто голова кругом! Никто ничего не знает, никто ничего не может посоветывать... Хоть бы декрет издали, чтобы видно было, что мы за революцию!..

III.

Приход Фомы Гордеича вносил лишь новые треволнения:

— Не знаю, как с мертвыми вождями быть!..— вздыхал он. — Вот хоть Карл Люксембург. Красным обвить, еще подумают: „радуется, сволочь"... А черным украсишь, как бы не отнесли к печали на счет революции...

В глазах мадам Цыпкиной мелькал огонек догадки:

— Черным обвей... А по углам красные банты пришпилем... Вот никто ничего и не подумает... А я вот чего не придумаю!.. Ну, на крещенье иль престольный праздник батюшка бы с молебном пришел!.. А тут... Докладчика бы, что ли, хоть какого плохенького, на дом пригласить!..

IV.

Когда настал праздник и улицы запестрели многим-множеством людей и заалели красными флагами, Маша бросила недоделанную селедку и сказала:

— Ну, вы тут как себе хотите, а я пойду!.. Не такой нынче день, чтобы по домашности возиться!..

Надела порыжевшую от лет шубейку, обвязалась черной шалью и ушла. У нее относительно ритуала повидимому, не возникало никаких сомнений.

М. Андр.

Рис. И. Малютина

ПОМЕЩИК: — Что, же ты, мужик, празднуешь? Сам, небось, безлошадный!

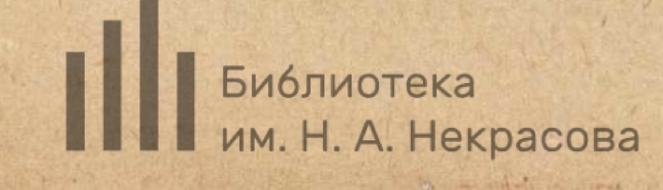
КРЕСТЬЯНИН: — Не беда. Авось как-нибудь и трактором обойдусь.

1920 г

— Идут поляки и Врангель. Через две недели...

(см. стр. 9)

В последний раз перед революцией я видел его за ресторанной стойкой у Кюба; серебряной ложкой он ел, выжимая лимон, холодную и влажную икру с блюдца и говорил, поблескивая глазами, собеседнику, у которого расчесаны были в непостижимый пробор шесть одиноких волос на голове:

— Теперь и я скажу — война до победного конца! Мы не выпустим оружия из рук, пока хоть одна пядь русской земли...

— Чего вы кричите, — сказал собеседник, кротко улыбнулся и показал золотой, сверкающий зуб, — у меня тоже белый билет.

Он имел скромный мыловаренный завод и розничную торговлю в провинции, но во время войны добился крупной поставки образков в армию и нажил на этом миллион; образки, когда началась революция, мертвым грузом остались лежать на складах, но содержимое именных банковских сейфов он успел изъять во-время и полностью. В октябрьские дни матросы, собиравшие излишки в квартале, взяли у него в числе прочих вещей валявшиеся в чулане рыжие стоптанные башмаки; отдав спокойно енотовую шубу и три ящика столового серебра, он приложил платок к глазам, когда забирали старые башмаки, и сказал умоляюще, приложив руки к груди, что башмаки покойной матушки дороги ему по воспоминаниям; поскольку башмаки покойной матушки оказались, однако, мужского фасона, их вспороли, не уважая памяти умершей и трогательных сыновних чувств, и в каждом из каблуков нашли по шести обтянутых резиной бриллиантов. Бриллианты забрали, но самый крупный голубой камень Буглай успел проглотить с ловкостью фокусника, прикрыв его носовым платком. Отсюда пошла легенда о человеке, к которому приставили по такому поводу часового, ожидая, пока проглоченный камень выйдет положенным ему от бога естественным путем. Когда через два дня пришли сменить часового и спросили у него, вышел ли бриллиант, часовой разочарованно сказал:

— Где уж бриллиант, — хучь бы керенка вышла, ей богу, и той нет!

К Буглаю часового не приставили, но матросик, не достаточно ориентируясь, видимо, в процессе пищеварения у человека, добродушно сказал:

— Что ж, ни себе, ни людям, значит, — во какой обормот! Шлепнуть бы тебя, дурака...

Его не шлепнули, однако, и матросы ушли, забрав одиннадцать камней, шубы и серебро; двенадцатый камень через сутки Буглай родил в муках, приняв тройную порцию венского питья, и его спрятали на дне банки с горчицей, никаким реквизициям отнюдь не подлежащей. От долгого же пребывания в горчице бриллианты, напротив, приобретают изумительный цвет и игру.

В восемнадцатом и девятнадцатом годах я вижу Буглая последовательно в очереди за пайком ученого академика на Маросейке в Москве, потом за столиком валютного кафе Семедени в гетманском Киеве, потом в приемной экономического совещания при штабе генерала Врангеля в Крыму. Академический паек он получал, как теоретик синдицированного мыловарения в родной стране; научные труды его хоть и погибли при пожаре в домашней библиотеке, но факт их существования был клятвенно заверен свидетелями, получившими от него аналогичные справки для собственных анкет; в числе граждан, получавших академические пайки, таких экстренных погорельцев было тогда немало. В кафе Семедени в Киеве можно было хорошо работать с кокаином, который хромые и калеки возили через границу в кулдышках деревянных рук и ног; люди с протезами имели обеспеченный заработок и высоко котировались на бирже; здесь пришлось все же разменять карбункул, проглоченный при обыске в семнадцатом году. Что же касается генералов из экономического совещания в Крыму, они брали взятки за армейские поставки так же, как и в мирное время. Когда первый раз Буглай предложил в совещании пятьдесят тысяч рублей за поставку партии сапог на перешеек и прибавил, что никому об этом не скажет, конечно, генерал посмотрел на него, не моргая, и коротко сказал:

— Дайте сто и говорите всем, кому захотите.

Что власть барона Врангеля шатается и готова пасть в Крыму, Буглай заключил по частному эпизоду, которого стал непосредственным участником, спускаясь как-то под вечер в Севастополе по крутому и извилистому шоссе на вокзал. Из переулка вышел навстречу ему измазанный сажей мальчишка и сказал развязно, показывая пальцем на золотую цепочку в петлице его английского пиджака:

— Отдай часы, дяденька.

Буглай замахнулся было палкой, но тогда из переулка выглянул здоровый верзила в опорках и строго и наставительно сказал:

— Отдай, отдай часы, зачем забижаешь малютку?

Помимо того, с биржи исчезло золото, вдвое поднялась цена на чемоданы, и в газетах стали вдруг писать, что Буденный совсем не Буденный, но цадек Гульфвассер из Белостока; все это с несомненностью предсказывало бесславный и быстрый конец.

За место на пароходе, когда началась эвакуация, платили вначале багажную корзину крымских ассигнаций, потом перевели расчеты на франки и доллары, но когда Буглай приехал с долларами, места занимались уже пулями, а тихое мыловаренное производство отнюдь не располагает к баталиям.

Буглай остался в Крыму и открыл в Симферополе кафе „Надежда". В кафе были горячие греческие бублики, и мадам и дочка, девица Рая, щеголяли кружевными передниками и ослепительным блеском лакированных розовых ногтей. Подобно ягненку, прыгающему в пасть тигра, Буглай открыл кафе рядом с комендатурой крымского чека; чекисты, которые ходили сюда есть греческие бублики, так привыкли к „своему" кафе, что оно осталось девственно-неприкосновенным при всех обысках, облавах, конфискациях, обложениях и реквизициях излишков для фронтовых частей.

„Надежда", расцветая стремительно, пережила себя и обратилась в действительность: в 22 году, в Москве, у Триумфальных ворот, открылся под вывеской, где золотыми византийскими буквами обозначена была фамилия Буглая, магазин галантереи „Венский Шик".

В конце концов, комбине и эластичные подвязки с головками негров в розетках ничуть не хуже казанского мыла, например, от которого скверно пахнет кошачьим жиром. Искусство торговать есть очень сложное искусство, и оно увядает, если его превращают в постылое ремесло; чем грубее и рассеяннее и неповоротливей были приказчики в кооперативе, который помещался напротив, тем быстрее крутилось, выбивая цифры, колесо автоматической кассы в магазине „Венский Шик". Дочка, девица Рая, сидела за кассой и мурлыкала, отражая общий бодрый дух, строфы из Северянина: „все по-старому, сказала нежно, все по-старому"...

Все, действительно, шло, казалось, по-старому; в 27 году, расширив „Венский Шик", он стал так же арендатором заводика в Благушах и купил мотоциклетку Харлея с коляской и ковром на сиденьи; появилось новое серебро в буфете, блины на масляной и пахучая французская бумага в уборной — и все, что было пережито, стало казаться попросту нехорошим и тягостным, невозвратным сном.

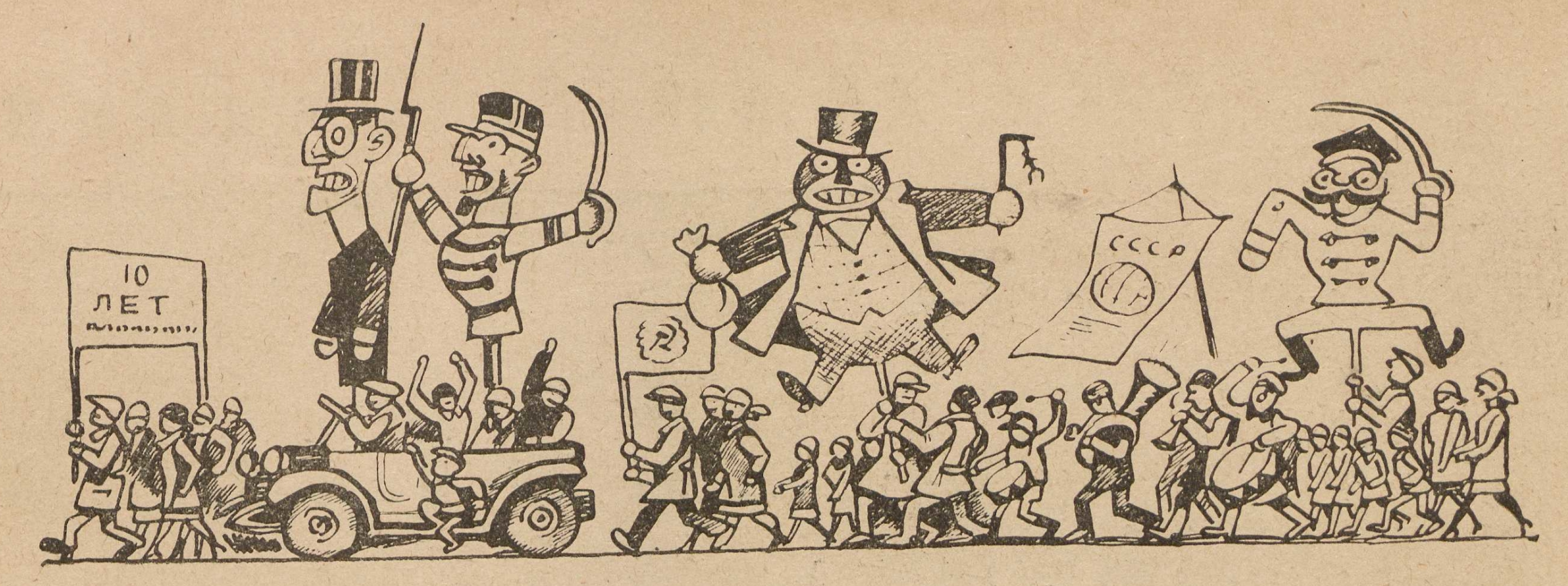
БАСТИЛИЗАЦИЯ

Во Мхате 2-м ставят „Взятие Бастилии"

Рис. Н. Р.

— Подумаешь! На десятом году революции уже взяли Бастилию. Если так будет продолжаться, то лет через 100 наши Мхаты Зимний Дворец возьмут.

Его могли расстрелять, когда он проглотил карбункул и прятал ценности в маминых башмаках,— и не расстреляли, потому что народу, который делал революцию, было свойственно чувство великодушия; он должен был погибнуть, питаясь дохлой кониной в голодном восемнадцатом году, и выжил, однако, благополучно, приспособившись мгновенно к очередям, мандатам и салазкам, на которых возили академические пайки; его могли поймать с кокаинным грузом, когда гетманский сброд оставлял Киев, но не поймали, потому что он был в Жмеринке раньше, чем прозвучал первый роковой выстрел на Днепре; ему грозил полевой суд за взятки, которые в голубых фамильных конвертах он передавал экономическим генералам у Врангеля, и его не судили, однако, потому что он знал, сколько надо давать; неминуемо его должны были посадить, наконец, когда пал Даир, в подвалы крымской Чека, и не посадили, побежденные, видимо, наглостью его торговых операций под окнами того самого подвала, в котором тосковал по нем каждый свободный вершок нар. Он вышел невредимым из перепалки, в которой гибли вокруг тысячи людей; не взяли его ни голод, ни вши, ни врангелевская веревка, ни петлюровская сабля, ни красноармейский штык; он прошел огонь и воду и медные трубы и всплыл, извернувшись на поверхность у Триумфальных ворот почти таким же чистеньким и свежим, каким нырнул четыре года тому назад в омут войны. Теперь, казалось, можно было спокойно уже жечь французскую бумагу в уборной и слушать, как мурлычет дочка за кассой, раз настал период стабилизации; он твердо усвоил это слово и произносил его благоговейно, как молитвенный текст.

Но колесо истории не может вращаться назад; мечты об этом обманчивы, как призрак оазиса в безводных и безысходных песках пустыни.

В 24 году дочь, девицу Раю, спросили на экзамене политграмоты в консерватории, что такое Октябрь; она сказала, приподняв изумленно подведенную бровь, что это десятый месяц года, у древних римлян посвященный обычно конским ристалищам, а у Пильняка изображаемый, как пора, когда волки воют перед зимой на луну. Тогда противный экзаминатор заглянул, придравшись, в ее анкету и прекратил вопросы, а в справке, ей была выдана, написал, что она не может быть принята, как социально-чуждый элемент. Это был первый тревожный звонок, который в „Венском Шике" не оценили, однако, по существу; когда девица Рая стала рыдать за „Империалом" и неверно выстукивать чеки, ей пообещали пригласить частного, молодого и симпатичного профессора,— и инцидент был исчерпан.

Потом сам папаша, считая, что от обслуживания хозяйства порядочным людям пора уже переходить к его управлению, пожелал быть избранным от куста приказчиков в московский совет; не имея на это формальных прав, он рассуждал так, что любовь и воля народа, если тщательно их инсценировать, окажутся сильнее ограждений закона — и, кто знает, может-быть, этот первый и исключительный случай положит начало великому процессу собирания подлинных хозяев и руководителей промышленности и торговли на Руси. Он ассигновал для начала, чтобы организовать любовь и волю народа, пятьсот рублей на посвященный выборам частный банкет; но приказчики, через которых он начал переговоры, обвинили его во взяточничестве и с большим трудом, трижды об'яснившись в ГПУ и получив нервный тик левой щеки, ему удалось избежать переселения в места, где обитают тюлени.

Тут впервые он понял, что его жизнь и деятельность ограничены кругом, пробиться через который много труднее, чем спрятать бриллиант в горчице и избежать матросских пуль и подвалов крымской чека. И этот круг все больше и больше смыкался с каждым новым днем, и стабилизация все явственней показывала ему свою лицевую, настоящую сторону.

Вот я вижу его, дрожащими руками срывающего с закрытых ворот об'явление о стачке на заводике в Благушах; росчерком пера он уволил, совсем как в старину, восемь неугодных человек, и завод стал, союз об'явил ему бойкот, и в столице, где полтора миллиона жителей, он не смог найти ни одного рабочего, который пожелал бы стать на место уволенного. А когда он затянул переговоры, завод взяла неожиданно кооперативная артель кустарей. Забастовку он пережил уже однажды во время войны, дал тогда пятьсот рублей полицмейстеру, и на завод, сняв револьверы и бляхи, пришли работать городовые из резерва. Где вы теперь?..

Вот я вижу его, как, втягивая опытным носом горячий воздух, бегает он по кооперативным магазинам Москвы, смотрит, прислушивается, прощупывает прилавок и склады и людей, что-то подсчитывает, расспрашивает, соображает. Плохо, плохо... Разница в ценах становится все ощутительней, перекупка все трудней, приказчики научились показывать вещи так, чтобы их покупали даже те, кому они не нужны, и говорят обворожительно, раскидывая кусок на прилавок: „пра-ашу, это специально для вас". Существовали когда-то молодые люди с кудрями поэтов и душами из чернил, за пятерку писавшие в стихах любую гадость о конкуренте, но еще в голодные годы распроданы кудри по парикмахерским, но еще первыми ударами октябрьских штыков разбиты вдребезги, чтобы никогда не возродиться уже из пепла, последние стереотипы пропперовских листков...

Вот я вижу его в приемных банков, в товарных пакгаузах на вокзале, в аукционе на таможне, в суетливой толпе у колонны на бирже. Лихорадочно дрожат у него веки покрасневших глаз и мускулы покрытого липкой испариной лица. Плохо, плохо... Все труднее получить кредит и учесть векселя, никто не берет уже за глаза сомнительных дубликатов, уже невозможно вне очереди отправить по знакомству перекупленный товар и скупить организованно английские отрезы и трикотаж в таможне. Кооперация, кооперация — всюду эта кооперация, неизмеримо более страшная, нежели соединенные вместе десять подвалов чека!

Вот я вижу его, грустно перебирающего подвязки, гребни и фельдиперсовую паутинку за прилавком магазина „Венский Шик": как опустела витрина, как редки случайные партии товара, как недоверчив к частной фирме покупатель! Кооперация!

И я вижу его, наконец, как, склонившись ночью в спальне над книгой, он подчищает цифры месячного торгового оборота. Плохо, плохо... Это уже первый шаг к пропасти; он похож уже на неопытного пловца, кое-как напяливающего пробки на шею,— пробки обязательно с'едут на ноги и тогда погрузится в воду обреченная голова.

Так он мечется, зажатый в железные тиски, пядь за пядью сдавая позиции, в кругу, определенном ему историей. Все уже, все теснее этот круг, намеченный когда-то снарядами „Авроры" и утвержденный потом десятилетием неповторимой борьбы.

И он сомкнется скоро, не оставив даже памяти о том, что заключено внутри него; тогда мы спокойно станем спать по ночам...

А. Зорич.

1921г.

— В Кронштадте восстание! Через 2 недели... *(см. стр. 10).*

Рис. Б. Антоновского

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ... ПАРАД АЛЛЭ!

Текст Зубило

Ба, знакомые все лица! (Что за пышная страница!) Царь с царицею идут,— у царицы вид надут; позади идет Керенский (украшенье нашей фрески!), рядом шествует Колчак, еле ноги волоча... На коне,— да это кто же? На Деникина похоже, не Деникин, так Кирилл,— много есть похожих рыл! Чуть подальше — ну, такого все узнают Милюкова: котелок, усы, очки... Меньшевик с кадетом вместе, слиты общей жаждой мести — в паре ходят старички! Дальше: сабли, позументы... с пулеметом интервенты! ходят лихо, со смешком! Там — мешочник под мешком, там — делец, трясясь коленом и предчувствуя беду, делит прибыль на ходу... Там — знакомьтесь с Чемберленом! Там — похожий на бурьян волосами сам Бриан... Там, воинственен и жарок, пан Пилсудский — пан маршалэк... А внизу во тьму ночей тащит кассу казначей... А на заднем плане, братцы,— эва! прут охотнорядцы! Все: и Польша и Литва, Милюковы и Брианы,— тут же мелкая плотва: пьяницы и хулиганы! — Почему такой парад? — А „Смехач", глядите, рад,— лазит взглядом по ухабам,— а „Смехач" стоит со штабом, озирает всех с высот, рассияв улыбкой рот... рядом, в праздник разодеты, с ним художники, поэты... Проходи! Кого из вас, как и где и сколько раз улыбающийся криво крыл „Смехач" и в хвост и в гриву? Десять лет!! В последний раз двигай, гадов вереница! Эй, знакомые вы лица, проходите! Скройтесь с глаз!

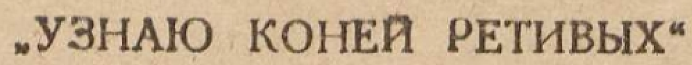

— Ну, нэп пожрет их! Через две недели... (см. стр. 11).

192

— Ну, ... перь „ку...ки" покаж... им! Чер... две недел... (см. стр.

„УЗНАЮ КОНЕЙ РЕТИВЫХ“

В день пятилетия Октябрьской революции генерал Шкуро сказал с великим энтузиазмом:

— О, я покажу еще себя... К десятилетию я снова буду на коне.

И не ошибся молодец. К десятой годовщине Шкуро действительно на коне: он показывает чудеса джигитовки в провинциальных цирках за границей.

✶

СЧЕТ ДО ДЕСЯТИ
1917—1927 г.

Раз, два... Живы едва...
Три, четыре... Пусто в квартире...
Пять, шесть.. Хлеб—соль есть.
Семь, восемь... Живем, чужого не просим.
Девять, десять.. Наш вид заграницу бесит.

✶

ЦЕРКОВНИКИ

— Что это народу та : наперло. Двунадесятый, что ли?

— Хуже. Десятый.

✶

СРЕДИ АРТИСТОВ

Вот почтенный юбилей! Небось юбиляру дадут звание заслуженного Октября Республики.

✶

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ГРАЖДАНИН

— Что это вы в смокинг нарядились?

— Сами знаете—праздник.

— Почему же вы на улицу не вышли?

— Неудобно в таком виде.

✶

НА ЯЗЫКЕ ЦИФР

— Ха — Ха — Ха! — засмеялись московские часы.

— Хе!..— унылым эхом повторили в Лондоне часы Вестминстерского аббатства.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

Рис. И. Радлова

Решено, что встречающиеся группы манифестантов вместо приветствий будут обмениваться сообщениями о своих достижениях.

— Мы построили 32 новых дома!
— А мы их отремонтировали!

СТОЯЩИЙ В СТОРОНЕ

Цветут улыбки ярче роз,
Кумач цветет... Все дышит силой.
А у него... краснеет нос
И изо рта несет могилой...

✶

ОКТЯБРЬ У ЧАСТНИКА

— Сегодня, деточка, у нас большой праздник:—фининспектор не придет.

✶

СРЕДИ СОЦ. ОПАСНЫХ

— И что это за праздник? Думал сегодня поживиться, да не удается: рабочие на демонстрацию ушли, а буржуи как на зло дома сидят.

✶

В ЕВРОПАХ

— Десятый год революции! Удивительно эти коммунисты любят повторяться!..

СТЫДНО НА ДЕСЯТОМ ГОДУ...

Была у меня давно, еще во время войны с Польшей, знакомая собачка. Неважная была собачка, хоть и ласковая. Как и откуда она приблудилась к нашей батарее,—никто не мог сказать. Хозяевами считала всех и каждого, включительно до пленных белополяков, хотя издали на всех брехала, вблизи же перед каждым ложилась на спину, поджимала хвост и умильно подскуливала. Никто ее не обижал, но никто и не заботился о ее существовании,—живет и пусть живет. Особых фокусов не знала, но упорно служила на задних лапках, когда видела в руках у людей пищу. Во время боев замирала, забивалась под зарядный ящик и при каждом выстреле говорила:

— Ох. Ох! Ох!

Боялась в первую очередь выстрелов нашей батареи,—разрывы польских снарядов ее пугали меньше, и в ответ на них она ограничивалась одним только охом, да и то на всякий случай.

***

Вспомнил я об этом песике совершенно случайно в поезде.

На площади у вокзала обратил я внимание на одного крупного гражданина с большим чемоданом. Под'ехал он на извозчике, сунул ему что-то в руку и подозвал носильщика. Извозчик посмотрел на плату и взвыл:

— Помилуйте, гражданин, нешто мыслимо? Рядиться надо было, когда такое дело! Овес-то почем ноне? Прибавить надо, гражданин!

Гражданин отдал чемодан носильщику, старательно записал его номер, приказал взять билет до Москвы и, управившись с этим делом, обратился к извозчику:

— Стыдно на десятом году революции! Стыдно!

Прозвучало это „стыдно“ внушительно, на всю площадь. Извозчик сказал:

— Эах! А еще в шляпе...

Зачмокал, задергал вожжами и уехал. Гражданин продвинулся к вокзалу, и я потерял его из вида.

В вагоне я услышал вновь сочную укоризну:

— Стыдно на десятом году революции! Стыдно!

— Помилуйте, гражданин... И билет брал, и чемодан тащил,—в чемодане-то, небось, пуда два будет... Надо бы прибавить!

— Стыдно на десятом году революции попрошайничать! Стыдно!

Носильщик махнул рукой, сказал, как извозчик, „эах“! и ушел, укоризненно покачивая головой. Гражданин начал располагаться на нижней полке,—открыл чемодан, достал подушку, одеяло, еще какие-то спальные приспособления. Его плодотворную деятельность нарушил новый пассажир:

— Виноват, это—мое место! Вот плацкарта...

— Что? Плацкарта? Стыдно вам, молодой человек, на десятом году революции! Стыдно...

— Да, но место-то—мое?

— Плацкарта, молодой человек, бюрократизм и бумажная волокита! Пора бы на десятом году революции отвыкнуть! Стыдно-с...

То ли мне в'елось это „стыдно“, то ли прозвучало в нем что-то знакомое,—я слез со своей верхней полки и глянул на стыдящего всех человека.

Так и есть... Видел я его где-то и когда-то! Несомненно видел. Правда, он был тогда меньше и говорил не басом, а тенором, но... Он, как есть он... И лицо знакомое, и „стыдно“ знакомое, и движения все знакомые...

А гражданин, побежденный не поддавшимся на провокацию новым пассажиром, мрачно переселялся на верхнюю полку. Переселялся и бормотал:

— На десятом году революции...

Потом обернулся, увидел меня и воскликнул:

ЛЕБЕДЬ В БОКАЛЕ

Профессор—эмигрант нервно оглянулся.

— Так дальше нельзя... Надо что-нибудь придумать. Ведь празднуют же они, черти, там в России... Десятилетие, достижения там... Или что другое. Надо собрать широкое совещание из лучших людей страны, с представителями широких масс.

* * *

Спрятавшийся в одном из парижских переулков ресторан с отдельными номерами „Лебедь в бокале" широко раскрыл двери кабинета № 4 для членов совещания.

— Слово предоставляется Анне Эрастовне. Она работает по связи с рабоче-крестьянскими массами.

Анна Эрастовна спокойно и ясно сказала:

— Мне нечего говорить о своих достижениях за 10 лет. Пусть массы сами скажут за себя. Разрешите?

— Просим!

Дверь открылась, и массы, четко стукая каблуками, подошли к столу.

Массы оказались довольно изящным молодым человеком в пиджачке „чарльстон" и ботинках „дансинг".

Анна Эрастовна почти в религиозном экстазе крикнула:

— Тише! Пусть широкие народные массы сами скажут...

Широкие массы одернули пиджачек, выставили ножку и отчеканили:

— Мы все, как один человек...

Профессор радостно потирал руки: „Массы! Что может быть шире и мощней"...

Массы обмахивались платочком, массы закуривали папироску „Дым отечества", массы продолжали:

— Мы все, как один человек...

В кабинете № 4 загремело „ура". Профессор исходил слезами блаженства...

— Скажи мне, народ, велика ли твоя численность?

— Мы все, как один человек...

— Сколько вас?

— Да один человек и есть...

Круги, поплывшие перед глазами, мешали профессору видеть.

— Анна Эрастовна, что вы с нами сделали? Один человек!

— А вы думали, что я пойду на большее? Это же разврат... Вы нахал, мусье!

М. К.

ПО СВОЕМУ КАЛЕНДАРЮ

Рис. А. Радакова

— **К чему вы готовитесь?**

— **Завтра 7-е ноября.**

— **Седьмое, седьмое. Да... да... чуть было не забыл, ведь мне за квартиру завтра платить.**

КАДЕТСКАЯ ЖИЛЕТКА

По примеру прошлых лет Милюков пришел в октябрьскую годовщину к Бунину поплакаться в жилетку. Но Бунин остановил Милюкова:

— Паша, тебе не придется плакаться в мою жилетку.

— Как? Неужели большевики пали?—радостно воскликнул Милюков.

— Не—е... не то... Просто я сегодня продал на французской барахолке свою последнюю жилетку.

ФОШ И АГИТАЦИЯ

Фош сказал:

— Пусть большевики не думают, что я не слышу их агитацию по поводу десятилетия. Я все прекрасно слышу!

— Как-же вы можете это слышать?— удивленно спросили Фоша приближенные.

— О, у меня **достаточно длинные уши**, *— уклончиво ответил маршал.*

— Стыдно, гражданин, на десятом году революции знакомых не узнавать! Стыдно!

Тут только я его вспомнил окончательно и безрадостно: он был в провинциальном городе преподавателем латинского языка, с наслаждением ставил гимназистам единицы и двойки, приговаривая:

— Стыдно, молодой человек, в четвертом классе гимназии не знать аблятивус абсолютус... Стыдно...

— Стыдно, молодой человек, в пятом классе гимназии не знать консекуцио темпорум... Стыдно...

В том городке он был фигурой заметной и непривлекательной даже по старым скверным временам. После февральской революции он как-то зачах до лета, пока не устроился при губернском комиссаре Временного Правительства на какую-то должность „для поручений". Октябрь окончательно сшиб **его с ног,—растерянный и беспомощный бегал он, поскуливая, по городу, вздрагивал при всяком новом декрете, распоряжении, постановлении советской власти, прятался, где мог, хотя его никто и не искал, и стонал:**

— Ох, ох, ох!

А потом я потерял из вида городок, и его беспомощную никому ненужную фигуру, жалобно скорчившуюся, чтобы никому не попадаться на глаза...

Перебравшись на свою полку, он снова начал меня стыдить:

— Стыдно, стыдно, на десятом году революции не узнавать... Ну, как живете?! Пописываете?! И не стыдно это на десятом году революции?! В Москве живете?! Квартирка есть или в одной комнате?! Стыдно, стыдно на десятом году революции в одной комнате жить... Что я поделываю, спрашиваете?! Да ничего, устроился! Теперь я специалистом по кожсырью работаю. Был раньше приемщиком по тракторам. Работал в качестве эксперта по заготовке льна... Все рассказывать длинно... После нашей великой Октябрьской революции я вскоре выбрался из городка из нашего. Поехал за хлебом в Тамбов, да и застрял там... Действительно, весь восемнадцатый год промучился. И опасался, и все прочее, а главное—сказать нечего... Что скажешь,—сами посудите?! Пробовал было говорить—„стыдно на первом году пролетарской революции",—да не вышло, не звучит! А на второй год уже оправился и даже выдвинулся. Ходил по всем митингам и всем ораторам поддакивал. А когда оппоненты какие находились, я с места кричал—„стыдно на втором году пролетарской революции". Ну, заметили, оценили. Должность дали в Совнархозе по инженерной части...

— Ведь вы же не инженер...

— Что ж такого?! Прекрасно справился. „Стыдно, говорю, на втором году пролетарской..." Ну, и подтягивались все. Как что—так „стыдно"! Фокус, конечно, не мудрый, но помогало,—преданность выражает это самое „стыдно". Так и пошло, так и пошло. В Красной армии был,—по снабжению работал. Потом демобилизовался, в Москве устроился... Стыдно было на пятом году пролетарской революции в провинции сидеть!

— Так без всяких недоразумений и прожили?!

— Какие же недоразумения?! Вот только с одним мучаюсь: живу я для себя-то до сих пор по старому стилю и к концу года революции иной раз сбиваюсь,—уже десятый пошел, а я все еще девятый считаю,—„стыдно, говорю, на девятом году пролетарской революции"! Ан,—уже десятый! Но—не замечают. Потому что я стыжу, как же меня поправлять-то?!

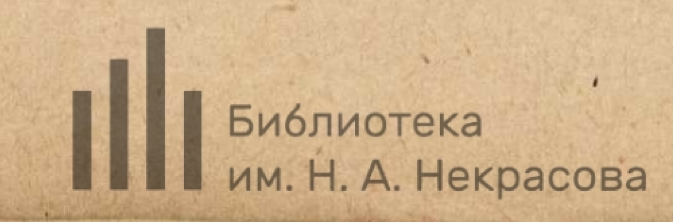
Под его поучительный рассказ я быстро заснул. И во сне мне было чего-то стыдно...

Утром под Москвой я проснулся от громкого голоса, раздававшегося из конца вагона:

— Эй, гражданин, выходите скорей!.. Стыдно на десятом году революции на полчаса уборную занимать!.. Стыдно!..

Вл. Павлов

ТОЧНО ПО АДРЕСУ

Рис. Б. Антоновского

Под адресом, преподносимым германскими рабочими русским рабочим ко дню празднования 10-й годовщины Октябрьской Революции, собрано 1.000.000 подписей.

— Был бы адрес, а подписи найдутся!..

— Были-бы подписи, а адреса найдутся!..

Рис. Н. Радлова

ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В 1917 г.
Менял керенки.

В 1918 г.
Менял наружность.

В 1919 г.
Менял белье на соль.

В 1920 г.
Менял учетную карточку.

В 1921 г.
Менял соль на белье.

В 1922 г.
Менял образ жизни.

В 1923 г.
Менял червонцы.

В 1924 г.
Менял квартиру.

В 1925 г.
Менял место жительства.

В 1926 г.
Менял профессию.

В 1927 г.
Но власти ему не переменить!..

— Чемберле... ультиматум послал! Чере... две недели...

Муссолини:
—Папа римский мне говорил, что не знает такого праздника!

ТАМ, ГДЕ КИСЕЛЬ ХЛЕБАЮТ

Выходит один раз в те самые две недели, больше которых большавики не продержатся.

Издается за границей вообще, и за границей здравого смысла в частности.

Вот уже десять лет тянутся эти „две недели“, как по небу тучи тяжелые! Жестокие варвары! Они нарушают собственные законы. Уже истекли десять лет со строгой изоляцией—что-же будет дальше? Кушать хотца! Пить хотца! Бит хотца! Танц вать хотца! Как сейчас помним,—рояль был весь раскрыт и струны в нем дрожали, и все кругом перед нами дрожало, и белой провокации ветви душистые разносили такой аромат, что хоть нос заткни, и среди долины ровные на гладкой высоте выростали виселицы и однозвучно гремел колокольчик Керенского... А теперь... жалобно стонет ветер осенний... Мы вам не говорим про тайные страданья, но в руку хоть сантим подайте бедняку. Увы, прелестная субсидия!.. Сказав прости, вы ушли на век... Пой, ласточка, пой: боже, царя храни!

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Мы, Николай Три Палки,

Император и Самодержец Всепарижский, Царь Ниццкий, и прочая, и прочая.

Об'являем всем верным нашим подданным.

Богу Всемогущему угодно было продлить царствование наше до 10-летней годовщины. Приемля такое соизволение божие, призываем вновь возносить молитвы всевышнему, уповая, что к 11-й годовщине мы вступим в первопрестольную и услышим клубничн... (зачеркнуто) малиновый звон сорока сороковок (зачеркнуто) сороков.

Дан в лето от Р. Х. 1927-е, царствования же нашего в 10-е.

Фердин... (зачеркнуто) Николай III.

У „ЦАРСКИХ ВОРОТ“

Собрался у ворот
Эмигрантский народ
Густо.
Говорил в простоте,
Что в его животе—
Пусто.
Вышел к ним государь,
Подбоченясь, как встарь,
Хватом.
К ним внимателен был,
А потом всех покрыл
Матом!..

Иван Бело-Красный

Пуанкаре:
— 13 лет прошло с 1914-го года. Несчастное число! Как-бы я опять в войну не ввязался!

Приписка „собственною его величества Николая III рукою“:

„Это про Кирилку“!

ИНТЕРЕСНО, ГДЕ СЕЙЧАС БЬЮТ КЕРЕНСКОГО?

Детердинг:
— Там русский дух, там нефтью пахнет!

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Хочу быть дерзким, хочу быть жабрым,
Мне опротивел французский рай.
Хочу полпреда схватить за жабры
И вырвать визу в Российский край!

К. Бальмонт

„НЕ СПЕШИ!“

Прежде, чем ехать в царство сатаны,
Отдай 100 франков, что брал на штаны!

И. Бунин

УЗНИК

Сижу за решеткой, орел молодой,
Вскормленный храброю белой ордой.
Ужель не свершу своих подвигов больше?
За что меня держит правительство Польши?!!

Коверда

ДОБЛЕСТНОМУ КОВЕРДЕ

За что? Ломать голову — напрасные труды...
Ясно: Пилсудский и Мосьцицкий — жжиды!!

Валяй-Марков

СЛОВА ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Кирилл Владимирович: *Корона—она ничего, да только с дырочками: мелкие серебряные монеты высыпаются.*

Деникин: *Для кого десять лет исполнилось, а кому и стукнуло и пребольно стукнуло.*

В РЕСТОРАНЕ

— Смотрите, как здесь много эмигрантов, которые подают!

— Увы! Эмигрантов, которым подают, гораздо больше!

ПАРАД ДОБЛЕСТНОМУ ВОЙСКУ.

Вчера главнокомандующий всеми военными силами Российской империи барон Врангель произвел в Елисейских полях смотр войскам. После парада вся армия во главе с генералитетом возвратилась домой в вагоне автобуса № 126.

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТОГО ДУХА

Блоховерному хосударю нашему Николаю Николаевичу, блоховерной хосударыне нашей хоспоже Нитуш де-Мулен-Руж и всему царствующему дому — многая-а-а ле-э-э-та-а-а!

Всем большевистским властям и христопродавцу Сашке Введенскому—анна-фема-а-а!!!

Епископ Евлогий

ПРИЕЗД ВЕЛИКОГО БАСА

Сегодня прибывает в Париж бывший так называемый „народный артист Совдепии“, а ныне—солист его величества Ф. И. Шаляпин. На имеющем быть траурном богослужении по случаю 10-летнего юбилея советской власти великий артист исполнит „Апостола“, а по окончании коленопреклоненно перед его величеством „Боже, Царя храни“. (Билеты на оное торжество продаются в канцелярии государя императора. Цена 2 руб. Принесшим бутылку русской водки—скидка 50%).

Чемберлен:
— С гордостью могу сказать, что меня в СССР каждая собака знает!

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Светлейший князь Барятинский достиг звания старшего швейцара в отеле „Эспань“, а баронесса Дризен — звания экономки в институте без древних языков на Монмартре.

РОКОВОЙ ВОПРОС

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль в торговые ряды,—
Я всюду полон грез безумных:
Кто даст пятерку до среды?..

Белоподкладочник

САМОЗВАНЕЦ КИРИЛКА

Когда-то, в дни трагичные
Погибели судна,
Как нечто неприличное,
Он наверх всплыл со дна.
Он дрянью той болтается
И ныне, посмотри:
Он даже лезть старается
В „советские цари“.

Дон Мармеладо

БЕЗ ПЕРЕМЕНЫ

Некий эмигрант, завидя хорошего знакомого в числе оркестрантов сомнительной ресторации, воскликнул:

— Ба! Да вы почти не изменились.

— Почти, — грустно промолвил свободный художник,— раньше я был **корнет**, а теперь **корнет-а-пистон.**

МЕНЮ

Как изготовить дешевый суп? Для этого надо сходить на рынок после его закрытия и подобрать валяющиеся обрывки капусты и прочих овощей. Попадаются иногда и кусочки мяса. На случай стычки с собаками предлагается брать с собой палки.

Действит. тайная советница

Мухоедова

БРАТ ВО ХРИСТЕ

Письмо в редакцию

Паки и паки извещаю вас, что полковник в отставке Хватов страдает клептоманией: на вечере у меня по случаю 10-летия изгнания из рая похитил мою столовую ложку. Имеющий уши да слышит. А г-жа К, к которой вы питаете любы, состоит с оным ликом в блуде. Аминь.

Диакон Аким Кадыков

Редколлегия: Н. Романов, Гессен, Куприн, Мамзель Лизет де-Конотт.

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ!..

Рис. А. Радакова *Текст М. Пустынина*

СМЕХАЧ

ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ВЫШЕЛ 7-го НОЯБРЯ НА УЛИЦУ!
(Цена номера—15 коп.)

СМЕХАЧ: — На улицах карнавально и карусельно!
Вышли на демонстрацию и стар и млад.
Я-ж выхожу на улицу еженедельно,
Не дожидаясь юбилейных дат!

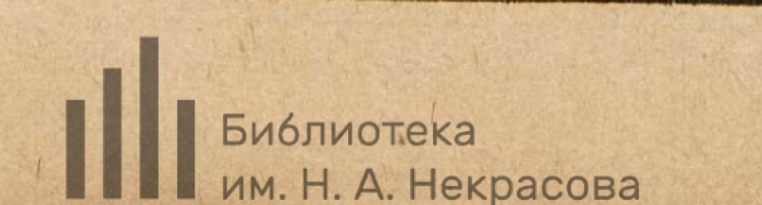
Сегодня, под сенью чемберленовых масок,
Когда поет и пляшет счастливый народ,
Не говорить же, что я печатаюсь в 8 красок
И что открыта подписка на 1928-й год!!

Сегодня, в день юбилейных иллюминаций,
Когда состязается с Барабанщиком Трубач,
Не говорить же мне про... Солянку 12,
Где принимается подписка на „Смехач"!!

Нет! Сегодня ограничусь только приветом!
Не говорить же: „В контору „Гудка" направляйте заказ!"
Скажу обо всем об этом
Как-нибудь в другой раз!..

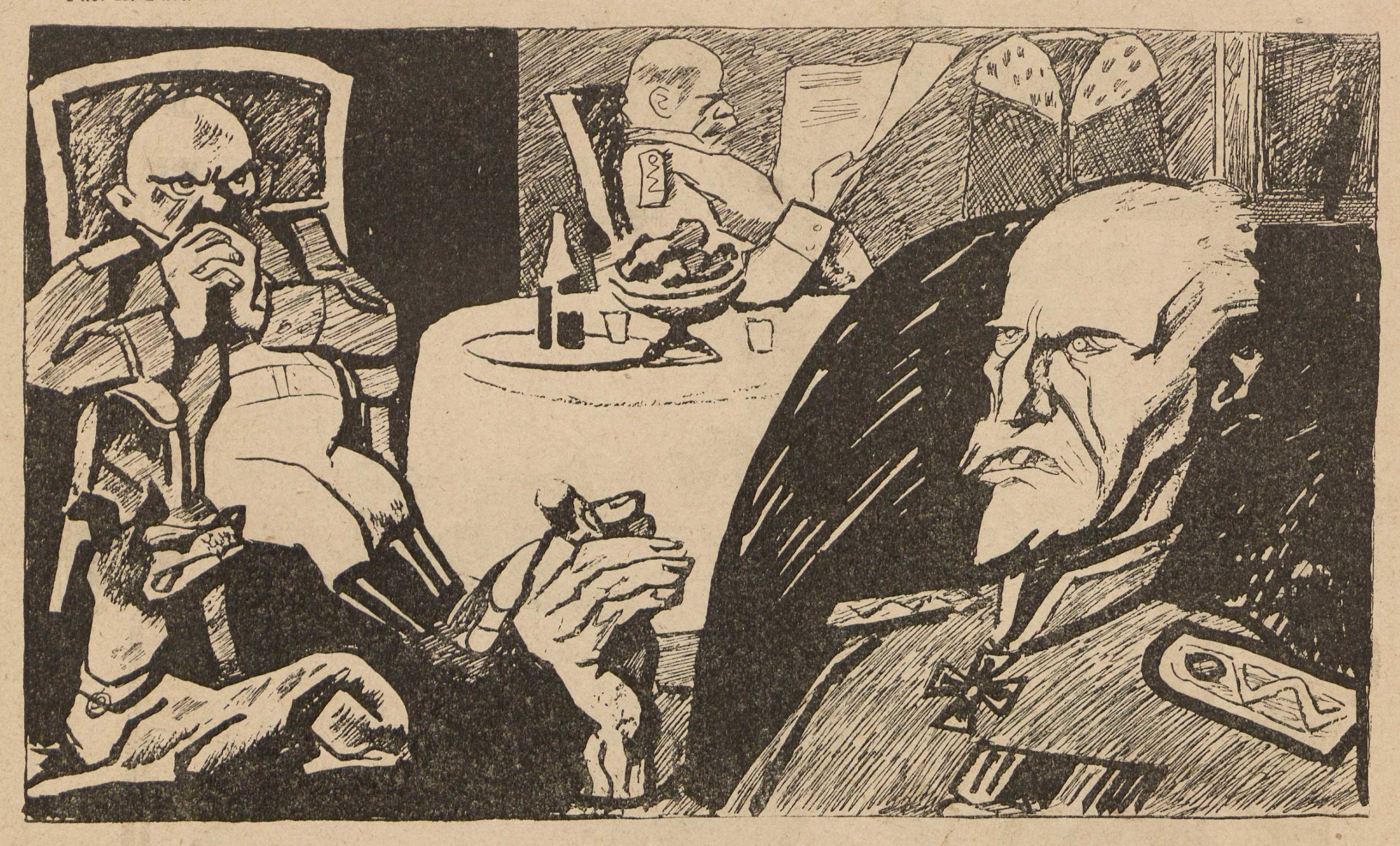
1926 г.

— А—а! Оппо-
зиция!.. Через дв
недели...

ВЕЧЕР НАПОМИНАНИЙ

Рис. А. Радакова

БЛЮСТИТЕЛЬ ПРЕСТОЛА:— 10 лет, как нас нет в Росси... Сколько воды утекло за это время...

АДЪЮТАНТ (читая телеграмму об открытии Свирьстроя):— Немного, ваше величество: большевики на каждой реке плотину поставили!

ЭТО БУДЕТ В 1967 ГОДУ

1967 год. Я старик. Целый день сижу против окна в глубоком кресле. Но, несмотря на эту инвалидность, я сохранил ясность мысли. Для меня это—самое главное, ибо я старый писатель сатирик.

А в окне я вижу огромные небоскребы. В них помещаются разные учреждения, универмаги и великолепные частные квартиры. У под'езда же стоят изумительные авто, принадлежащие рабочим и служащим. Впрочем, других людей теперь и нет.

Я сижу у окна и думаю о теме для фельетона. — Стоп! Есть тема! — оживляется мой старческий мозг. — Наверное в огромном небоскребе имеется трещина! Дерну-ка я сейчас по старинке строк двадцать жакту. Пусть знает, ирод!

Но — увы! Присматриваюсь к небоскребу внимательнее. Целехонек. Ладно. Отставить. Перейду к мостовой...

— А ну-ка, нет ли здесь под ногами колдобин, ям и прочего материала для блестящей сатиры „Сон Откомхоза"?

Надеваю на нос очки. Ни черта! Как поверхность чая в стакане, асфальтовая скатерть предо мной. Опять осечка. Ну, пустяки, другое найду.

— Ага! Учреждение. „Земотдел Центросатурнсоцстраха". Примусь-ка за него. Беру бинокль и ищу длинные хвосты ожидающих справки, ищу бюрократов, ищу секретарш, целующихся с завами... Тщетно! Я вижу экран, где для выдачи моментальных справок применена система сложнейших стекол, я вижу рычаги автомата, исполняющего малейшее желание зава, я вижу полную механизацию работы и довольные лица. Это лица службистов и посетителей. Я смущен. Лопнула темка! Впрочем, ерунда! Загляну в универмаг. Не все потеряно еще, хе-хе!—Универмаг! Сколько лет я кормился тобой! Эй, где плакаты о снижении? Подавай-ка клейменые гири, таблицы усушек, список принудительного ассортимента!!!

Но что же это? Дальнозоркий бинокль открывает мне следующее: потребители выбирают товары по собственному вкусу. О ценах никто не спорит, ибо цен вообще нет, а остался только точный, как хронометр, распределительный орган, удовлетворяющий малейший каприз потребителя.

И эта тема лопнула! Последняя внутренняя тема... И наплевать! Ударюсь в политику. Возьму сейчас газету и начну крыть по итальянским фашистам, по панской Польше, по твердолобым сволочам.

Беру в руки газету. Беру своих старых испытанных товарищей по работе „Правду" и „Известия"... И читаю: — Итальянский С. Н. К. постановил, что...

Нет, не то! — Ругать здесь некого. Дальше.

— На заседании Польского Ц. И. К. единогласно...

Опять фиаско. Опять все в порядке. Одна надежда на твердолобых. И вдруг...

— Красный Лондон клянется...

Усталый, я бросаю газету. Тяжело старику. Тем нет. Жизнь опередила меня. Я никому не нужен. Подохла моя старая глупая сатира.

Это будет в 1967 году.

А сейчас я молод, и тем для фельетона у меня много. Так дозвольте же мне в торжественный день, день десятой годовщины, не уподобляться шамкающему старику 67 года, в немом изумлении застывшему у окна.

Разрешите мне не воспевать, а критиковать. Жактовские порядки и откомхозовские дороги, бюрократизм, волокита и кумовство, кооп-тупость и разгильдяйство в сегодняшний праздничный день не стали еще лучше. Чемберлен, Муссолини и Лига наций вряд ли стали безвреднее и искреннее...

И не может поэтому перо сатирика превратиться в перо одописца.

В эти дни оно должно быть острее, чем всегда.

К. Варский

Издатель—„ГУДОК". Отв. редактор—**И. Н. Пирогов.**

Главлит № 99.596. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат. Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

Рис. М. Черемных

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

СВЕТ С ЗАПАДА. СВЕТ С ВОСТОКА.